

Содержание и интерпретация философской категории «мера» в уголовном праве

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

Реферат

Введение: статья представляет собой исследование подходов к определению сущности философского термина «мера» и особенностей ее уголовно-правовой интерпретации в категориях «наказание», «ответственность», «воздействие» и др. *Цель:* установить возможность использования уголовного наказания (вид меры и ее количество в виде размера/срока) в качестве универсального средства определения величины общественной опасности каждого преступления. *Методы:* диалектический, формально-логический, наблюдение, анализ, синтез, классификация, системно-структурный. *Результаты:* изучение общеправовых и правовых подходов к пониманию сущности меры позволило установить, что данная категория имеет множество значений: от абсолютной цифровой величины до изменчивой оценки, которая дается человеком в зависимости от уровня его развития и особенностей окружающей среды. Понимание сущности меры как чего-то исключительно постоянного является заблуждением. *Выводы:* понятие «мера» в уголовно-правовом значении представляет собой в первую очередь предел дозволенного поведения. В этом контексте мерой следует признать все уголовное право, предписания которого позволяют разграничить преступные и не преступные формы поведения. Наказание не может рассматриваться в качестве постоянной величины, с помощью которой определяется общественная опасность каждого преступления. Оценка общественной опасности преступления существенно меняется в зависимости от социальных ценностей, виды и значение которых субъективно определяются (формируются, изменяются, отвергаются) только человеком.

Ключевые слова: мера; государственное принуждение; наказание; ответственность; уголовно-правовое воздействие; общественная опасность преступления; справедливость; воздаяние.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Для цитирования: Лапшин В. Ф. Содержание и интерпретация философской категории «мера» в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 380–387. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.004.

Original article

The Content and Interpretation of the Philosophical Category “Measure” in Criminal Law

VALERII F. LAPSHIN

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

Abstract

Introduction: the article studies approaches to the definition of the essence of the philosophical term “measure” and features of its criminal interpretation in the categories of “punishment”, “liability”, “impact”, etc. *Purpose:* to identify the possibility of using criminal punishment (type of the measure and its quantity in the form of size/term) as a universal means of determining the scale of the public danger of each crime. *Methods:* dialectical, formal-logical, observation, analysis, synthesis, classification, system-structural. *Results:* the analysis of general philosophical and legal approaches to understanding the essence of measure shows that this category has many meanings: from an absolute digital value to a variable assessment made by a person depending on his/her development level and environment characteristics. Understanding the essence of measure as

something exceptionally constant is a misconception. *Conclusions*: the concept “measure” in the criminal legal meaning represents, first of all, the limit of permissible behavior. In this context, all criminal law should be recognized as the measure, the prescriptions of which make it possible to distinguish between criminal and non-criminal forms of behavior. Punishment cannot be considered as a constant value by which the social danger of each crime is determined. The assessment of the social danger of crime varies significantly depending on social values, the types and meaning of which are subjectively determined (formed, changed, rejected) only by a person.

Key words: measure; state coercion; punishment; liability; criminal legal impact; public danger of crime; justice; retribution.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).

For citation: Lapshin V.F. The content and interpretation of the philosophical category “measure” in criminal law. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 380–387. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.004.

Вводная часть

Представителями уголовно-правовой доктрины «мера» отождествляется в первую очередь с наказанием, а точнее с его видом и временными особенностями реализации. В этом нет ничего удивительного, так как законодатель определяет уголовное наказание не иначе как «меру государственного принуждения», заключающуюся в лишении или ограничении прав и свобод осужденного (ч. 1 ст. 43 УК РФ).

Но даже поверхностное сопоставление сущности любого наказания позволит усомниться в возможности точного *соизмерения* вреда, причиненного преступлением, лишениям и правоограничениям, которые виновный претерпевает при исполнении назначенного ему наказания. Например, за причинение смерти по неосторожности лицу могут быть назначены исправительные работы на срок до двух лет. Это же наказание может быть назначено лицу, которое совершило заведомо ложный донос о совершении преступления (ч. 1 ст. 306 УК РФ), причем материальный и моральный вред от деяния может быть минимальным либо вообще неопределяемым. В действующем уголовном законе такие примеры не единичны. Зачастую трудно дать безоговорочно положительный ответ о справедливости наказания, которое предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ за соответствующее общественно опасное деяние. Отсюда отождествление вида конкретного наказания и *меры* принуждения, сущность которой до настоящего времени окончательно не определена учеными-пенитенциаристами [16, с. 254–260, 282–289], требует по меньшей мере развернутого комментария. Кроме того, слово «мера» имеет несколько не пересекающихся друг с другом лексических значений [13, с. 338], многие из которых при определенном абстрагировании могут претендовать на характеристику наказания как уголовно-правовой категории.

Основная часть

Содержание категории «мера» остается предметом философских исследований, начало которым было положено в глубокой древности. Анализ имеющихся в настоящее время философских трактатов подтверждает, что во все времена категория «мера» вызывала у мыслителей не меньший интерес, чем фундаментальные категории и идеи человеческого бытия. Феномен меры видится в том, что, воспринимая данную категорию как средство фиксации или

обобщения, используемое при сравнении различных предметов, их свойств и иных материальных и нематериальных характеристик, определяли ее по-разному. Определение и последующее обоснование меры в качестве фундаментальной метафизической категории дано в трудах представителей классической немецкой философии [2, с. 277], однако различные мнения о возможном содержании меры были сформулированы еще представителями античной философии. Впоследствии же смысловое значение меры оставалось преимущественно неизменным, хотя и снабжалось довольно емкими комментариями или предложениями, связанными с практическим применением имеющегося знания о мере.

Так, Пифагор, понимая мир в качестве «великолепного порядка», считал, что этот порядок обеспечивается строгим числовым значением. Поэтому каждый предмет или явление, существующие в мире, должны были иметь универсальную меру оценки – число, а система оценки в мире формируется на основе законов целых чисел [6, с. 316–319].

Мера в философии Солона является категорией, которая характеризует предельно допустимое значение. Выход за пределы меры означал нарушение какого-либо блага, причинение зла. В этом смысле благо рассматривалось как синоним меры [15, с. 156]. Поиск меры в общественных отношениях, устройстве институтов государственной власти и определении их полномочий вызван стремлением к счастью для представителей всех социальных групп. Напротив, отказ от чувства меры и провозглашение вседозволенности ведут к тирании, росту числа недовольных и иным негативным предпосылкам, порождающим социально-политические катастрофы.

Еще один метод определения сущности меры предложил Протагор. В отличие от своих современников, он продемонстрировал субъективный подход к обозначению сущности меры, заявив: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих же, что они не существуют» [2, с. 283]. На основе данного постулата можно развить идею о том, что мера вообще не может иметь какого-то постоянства – она определяется только человеком в зависимости от уровня его интеллекта, представлений о мире, потребностей и иных факторов, влияющих на оценку окружающих предметов и явлений.

Платон специально не выделял категорию меры, употребляя ее в своих сочинениях без уточнения философского содержания. Рассуждая о высшем для человека – духовном благе, он отмечал, что одной из составляющих блага является соразмерность (умеренность). По его мнению, мера может быть использована как средство измерения предметов материального мира, а равно в качестве некоей средней величины между избытком и недостатком [14, с. 199, 621], то есть категориями, которые не поддаются оценке в числовых значениях.

Аристотель обращает внимание на наличие некоего множества в определении сущности меры. Она рассматривалась как средство познания количества, определяемое через единое и неделимое, имеющее числовое выражение. Мера также может иметь значение стандарта, который используется для установления соответствия/несоответствия сравниваемых однородных предметов по количеству и качеству [1, с. 159, 160, 244]. Он же указывает, что мера включает в себя и более глубокий философский смысл – именно через нее определяется добродетель в категории количества. В этой части мера представляет собой медианное значение между двумя противоположностями, не подлежащими числовому выражению, и применяется для оценки государственной политики, общественных отношений, имеющих место в управленческой деятельности институтов власти [1, с. 468–469].

Впоследствии представители немецкой классической философии доказали, что мера представляет собой одну из фундаментальных научных категорий [2, с. 277]. Очевидно, это было вызвано потребностью универсального понимания меры во всех видах наук, равно как и возросшей практической потребностью решения проблемы о сущности меры и возможности объективного установления эталонных значений.

И. Кант рассматривал меру как величину единицы, но и сама мера, по его мнению, также нуждается в оценке: «в суждении о величине дело идет не только о множестве (числе), но и о величине единицы (меры), а величина единицы... всегда требует чего-то другого в качестве меры, с которой ее можно было бы сравнить... всякое определение величины явлений, безусловно, не может дать абсолютного понятия о величине, а всегда дает только сравнительное понятие» [8, с. 254]. Учитывая данное обстоятельство, И. Кант в вопросе определения меры обращает внимание на большое значение того, кто осуществляет оценку изучаемого объекта, тем самым указывая на субъективность такого решения, а также на зависимость трактовки содержания меры от способностей познающего [7, с. 120–121].

Гегель, определяя меру в качестве единства количественного и качественного, выделил три ее разновидности: специфицированное количество, специфическая мера и реальная мера. Он отмечал, что наиболее простым и распространенным содержанием обладает первая разновидность, которая сводится к соединению числового значения с предметом реальной действительности. Специфицированное количество должно быть реальным, то есть числовое

выражение заявленных предметов действительно должно существовать в природе.

Специфическая мера характеризует внутреннюю связь между количественными и качественными характеристиками одного предмета. Это более сложный и более высокий уровень содержания меры, которая распространяется на один предмет, при этом одновременно характеризуя некое множество его отдельно взятых составляющих. К примеру, тридцать военнослужащих (специфицированное количество) представляют собой одно армейское подразделение – взвод (специфическая мера); некое количество жилых домов и иных построек на определенной территории образуют городской микрорайон и др. Если специфицированное количество полностью зависит от особенностей восприятия человека, то специфическая мера уже не имеет такой зависимости и является объективно существующим фактом.

Реальная мера представляет собой абсолютно неразличимую характеристику изучаемого предмета или явления, которую формируют уже описанные специфические меры, слагаемые из специфицированных количеств. Реальная мера не имеет и не может иметь количественного выражения, так как она представлена единственным видом в мире – реальная мера наличного бытия интересующего предмета. С учетом этих особенностей реальная мера может быть приравнена к безмерности или бесконечности меры, поскольку объединяемые в ней меры становятся единым целым [4, с. 422–442]. Проявлениями реальной меры можно признать пространство, общество и др.

Гегелевская трехуровневая оценка меры отчетливо прослеживается в марксистском учении, когда изначально строго определенный предмет получает стоимостную оценку «золотом», то есть в денежном выражении (специфицированное количество), затем формируется общее стоимостное выражение для различных групп разнородных предметов (специфическая мера), и, наконец, реальная мера выражается во всеобщей форме стоимости, пользующейся всеобщим признанием (масштаб цен) [12, с. 51–54]. Решая проблему субъективности определения всеобщей стоимости (реальной меры, по Гегелю), К. Маркс предлагает в качестве таковой «лишенный индивидуальности абстрактно-всеобщий» труд, не поддающийся количественной оценке: «всеобщее абстрактное рабочее время получает в их цене мысленно представляемое бытие, в котором они суть однородная и только количественно различная материализация одной и той же субстанции стоимости» [12, с. 53–54].

Перечисленные подходы к определению сущности меры легли в основу формирования категорий свободы [5, с. 99; 11, с. 96–97], равенства [10, с. 263–264], справедливости, правосознания и правопорядка [3, с. 79; 9, с. 50; 17, с. 200], предложенных в источниках философии права. Подавляющее большинство исследователей указывали, что каждый человек в состоянии полной свободы в выборе поведения обречен на смерть от себе подобного. Поэтому гарантией создания цивилизованного общества, обеспечивающего каждому и безопасность, и комфортное

существование, является взаимная ограниченность в правах и свободах каждого ровно настолько, насколько это требуется для достижения указанных целей. Подобное состояние разумного ограничения прав и свобод каждого индивида характеризуется как равенство, а отношения между людьми на основе взаимного уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов представляют собой справедливость. Именно равенство и справедливость формируют общую идею меры, реализуемую в праве любого цивилизованного общества.

Прикладное значение сущность меры получила через законодательное закрепление базовых категорий уголовного права, одной из которых является уголовное наказание (ч. 1 ст. 43 УК РФ). Однако, понимая всю смысловую многогранность меры, нельзя допустить сведение ее сущности к конкретному виду воздействия, которое регламентируется уголовно-правовыми нормами. Все возможные варианты трактовки меры в общеправовом учении, равно как и в философии права, находят свое воплощение и в содержании современного уголовного права.

Простейшим выражением сущности меры является размер или срок уголовного наказания. Большинство предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний определяются сроком, который исчисляется по общему правилу в годах и месяцах. В случае же зачета времени содержания лица под стражей срок итогового наказания может исчисляться в днях и часах. Например, один день содержания под стражей приравнивается к полутора дням, то есть 36 часам содержания в дисциплинарной воинской части, отбывания наказания в воспитательной колонии либо в исправительной колонии общего режима (ч. 3, п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ).

Наказание также может определяться суммой денежных средств, подлежащей взысканию или удержанию с/у осужденного. Это осуществляется при исполнении таких видов наказаний, как штраф, исправительные работы, ограничение по военной службе и принудительные работы. Здесь же следует отметить, что УК РФ не содержит абсолютно определенного срока или размера наказания, устанавливая его минимальный и максимальный пределы в соответствующей норме Общей части. Численная конкретизация срока или размера фиксируется в результате завершения процесса индивидуализации уголовной ответственности, то есть установления в приговоре вида наказания и его точного размера (срока).

Таким образом, мера в уголовном праве как величина, выраженная в точном цифровом значении, конкретизируется через временные или денежные единицы, в которых исчисляются соответствующие виды уголовных наказаний.

Наиболее распространенным пониманием меры в уголовном праве является отождествление ее со средством воздействия за совершение общественно опасных деяний. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ, а также корреспондирующей ей ч. 1 ст. 43 УК РФ основной мерой в уголовном законодательстве является наказание. В значении меры наказание определяет виды и объем прав, свобод и законных интересов,

в которых ограничивается или которых полностью лишается виновный в совершении преступления. Здесь также просматривается строгая взаимозависимость преступления и наказания. С момента обособления в праве отраслей, имеющих специфический предмет правового регулирования и охраны, аксиоматичным стало являться утверждение, что преступление обладает наибольшей общественной опасностью (вредоносностью) в сравнении с любыми другими видами правонарушений, совершение которых не влечет за собой уголовной ответственности.

Высокая общественная опасность преступления предопределяет содержание уголовного наказания – права, свободы и законные интересы, в которых как минимум ограничивается осужденный при реализации уголовной ответственности. Все они обладают повышенной значимостью для человека, в связи с чем обеспечиваются конституционными гарантиями со стороны государства. Во-первых, содержание отдельных видов уголовных наказаний включает в себя лишение гарантированного ст. 35 Конституции Российской Федерации права собственности на определенное имущество. Как правило, это выражается в фиксированной сумме денежных средств, изымаемых у осужденного, например, при исполнении штрафа. Также данная сумма может устанавливаться пропорционально размеру заработной платы осужденного, стоимости предмета преступления и т. п. Подобные лишения включены в содержание штрафа, исправительных работ, ограничения по военной службе и принудительных работ.

Во-вторых, значительное количество предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний ограничивает или лишает осужденного гарантированного ст. 37 Конституции Российской Федерации права на свободный труд. Для отдельных наказаний такое лишение является их сущностью, потому что прямо указывается в качестве содержательного элемента: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы и др. Некоторые же виды наказаний хотя и не предусматривают ограничения указанного права, но в силу особенностей исполнения фактически лишают осужденного и свободы выбора вида трудовой деятельности (содержание в дисциплинарной воинской части, пожизненное лишение свободы и др.).

В-третьих, отдельные наказания, исполнение которых предполагает изоляцию осужденного от общества, существенно ограничивают гарантированные ст. 27 Конституции Российской Федерации права свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства. Это обеспечивается обязательным нахождением осужденного на территории соответствующего учреждения уголовно-исполнительной системы, реализующего уголовное наказание в виде лишения свободы. Кроме этого, при исполнении наказания в виде принудительных работ также существенно ограничивается право осужденного на свободу перемещения, выбора места пребывания и жительства, так как это наказание исполняется в условиях специализированного учреж-

дения – исправительного центра, выход за пределы которого осужденному разрешается в исключительных случаях.

Наконец, в-четвертых, до настоящего времени юридически сохраняется возможность лишения преступника жизни путем назначения наказания в виде смертной казни. Нормы, предусматривающие высшую меру уголовной ответственности (п. «н» ст. 44, ст. 59 УК РФ) не претерпели никаких изменений с момента вступления уголовного закона в силу. В этой связи вряд ли будет ошибочным признать, что современный российский уголовный закон устанавливает наказание, при применении которого осужденный лишается гарантированного ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации права на жизнь.

Анализ всех перечисленных прав, свобод и законных интересов, которые составляют сущность уголовного наказания, позволяет признать следующий факт: одной из функций уголовного наказания является унифицированная оценка тяжести (характера и типовой степени общественной опасности) всех видов преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ. Это выражается в том, что общественно опасные деяния, принципиально отличающиеся друг от друга по юридическим характеристикам (вид объекта, качественные и количественные показатели причиненного вреда или иных негативных последствий, особенности вины и др.) в соответствии с санкциями уголовно-правовых норм обеспечиваются в большинстве случаев одними и теми же видами наказаний. Наивысшей степенью универсальности, бесспорно, обладает наказание в виде лишения свободы на определенный срок (п. «л» ст. 44 УК РФ). Именно оно может быть назначено практически за любое запрещенное уголовным законом деяние. (В идеале это утверждение не должно иметь исключений и оговорок. В противном случае, когда за какое-либо преступление законодатель не устанавливает возможность назначения лишения свободы (ч. 1 ст. 169, ст. 185¹ УК РФ и др.), становится невозможным осуществить отграничение такого преступления от иных правонарушений, не формирующих основания для привлечения к уголовной ответственности, а влекущих, к примеру, дисциплинарную ответственность.)

Полагаем, что лишение свободы на определенный срок является универсальной мерой в современном российском уголовном праве. И, несмотря на проводимую уже достаточно длительный период времени политику гуманизации уголовного законодательства, ориентированную на поиск альтернатив лишению свободы, последнее пока еще официально презюмируется в качестве эталонной меры, используемой при определении как тяжести совершенного преступления, так и степени строгости большинства наказаний. Первое из высказанных утверждений находит подтверждение в ст. 15 УК РФ, которая закрепляет правила отнесения вида преступления к соответствующей категории. Так, категория деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, зависит в том числе и от максимально возможного срока лишения свободы, назначаемого за данное преступление.

Универсальность одного дня лишения свободы как средства соизмерения тяжести многих видов наказания относительно друг друга также подтверждается правилами сопоставления, которые предусмотрены ст. 71, 72 УК РФ. В этой части следует отметить, что каждое наказание по своему содержанию призвано обеспечить ограничение/лишение прав и свобод, фактическое сравнение которых невозможно в принципе по причине их разнородности. Это становится очевидным при осуществлении сопоставительного анализа содержания уголовных наказаний: право собственности в принудительных работах – свобода выбора трудовой деятельности в обязательных работах – право на свободное перемещение в ограничении свободы и т. д. Проблема решается юридическим установлением одного дня лишения свободы как эталонной меры, обеспечивающей «приведение к единому знаменателю» всех сроков разнородных видов уголовных наказаний. Этот же прием позволяет уяснить степень тяжести назначенного наказания, если оно может быть соотнесено с исчисляемым в днях лишением свободы, но данные правила сопоставления не универсальны, так как не распространяются на наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград, а также пожизненного лишения свободы и смертной казни.

Однако уголовно-правовая категория «мера» применима не только к уголовным наказаниям. Думается, не будет ошибкой указать на наличие в действующем уголовном законе «второстепенных мер», также входящих в содержание уголовной ответственности. Аналогично уголовному наказанию они применяются к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и в целом направлены на достижение тех же целей, которые ставятся перед уголовным наказанием (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Разграничение мер уголовной ответственности с уголовным наказанием можно осуществить прежде всего по формальному основанию: они не включены в систему уголовных наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ. По материальному основанию, то есть по видам прав, свобод и законных интересов, которых лишается или в которых ограничивается преступник, осуществить разграничение становится сложнее ввиду возможной тождественности ограничиваемых благ виновного. Например, право на свободу выбора вида трудовой деятельности ограничивается и наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и судимостью лица, в отношении которого назначенное наказание исполнено в полном объеме. В то же время обязанность не посещать, например, места проведения зрелищных мероприятий, обязанность пройти курс лечения, а равно исполнение других обязанностей, способствующих исправлению осужденного, включаются в содержание условного осуждения преступника, однако официально не представлены содержанием ни одного уголовного наказания.

Наконец, нельзя обойти вниманием уголовно-правовой институт иных мер, применяемых к лицам, которые по основаниям, предусмотренным действующим законодательством, не подлежат уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние. К таковым мерам в настоящее время относятся: а) принудительные меры медицинского характера; б) принудительные меры воспитательного воздействия.

Несмотря на терминологическую идентичность, меры уголовной ответственности и перечисленные иные меры не обладают сущностной однородностью. Мера уголовной ответственности формируется на основе принципов равенства и справедливости, поскольку призвана обеспечить соразмерное воздаяние за вред, который причинил преступник потерпевшему лицу, обществу и (или) государству. В этом случае наблюдается реализация карательного потенциала меры уголовной ответственности в объеме, соответствующем тяжести совершенного преступления.

В основу формирования иных мер уголовно-правового характера положены принципы сострадания и милосердия. Их применение также связано с лишениями и ограничениями аналогичных прав, свобод и законных интересов, которые характеризуют сущность многих мер, применяемых в процессе реализации уголовной ответственности. Они и назначаются исключительно по решению суда в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законом. Однако при их применении баланс в общественных отношениях, нарушенный совершением общественно опасного деяния, восстанавливается без кары и воздаяния за действительно причиненный вред. Напротив, это восстановление обеспечивается средствами медицинского или воспитательного (нравственного) воздействия, что предполагает получение лицом возможности адекватно подходить к оценке общественных ценностей. Поэтому иные меры следует рассматривать в качестве мер социальной поддержки и помощи индивиду, применение которых исключает карательное воздействие со стороны общества и государства.

На более высоком уровне обобщения констатируется, что мера в уголовном праве выражается общими границами допустимого воздействия на человека, а также определением оснований для такого воздействия. С учетом оценки допустимого поведения любого индивида, общества и инструментов государственного принуждения определяются пределы указанного поведения, неспособного повлечь за собой существенных негативных последствий. Выход за эти пределы является общественно опасным и, как следствие, уголовно наказуемым. Поэтому уголовное право в целом можно обозначить как меру, с помощью которой устанавливается предельно допустимое поведение человека в обществе. Свою конкретизацию эти гипотетические границы находят в виде запретов на совершение конкретных действий, предусматриваемых нормами Особенной части УК РФ.

Вся совокупность закрепленных уголовным законом мер, которые применяются к лицам, совершив-

шим общественно опасные деяния, тоже может быть признана общей мерой уголовно-правового воздействия. В этой части определяется, насколько современное уголовное право позволяет влиять на статус человека, совершившего преступление. Осуществленная ранее оценка содержания как уголовного наказания, так и других мер уголовной ответственности позволяет сделать вывод о весьма широком, почти неограниченном (безмерном) диапазоне негативного воздействия на преступника.

Минимальные пределы в настоящее время сводятся к выполнению ряда предусмотренных законом условий, что может обеспечить принятие решения об отказе от уголовного преследования и прекращении реализации уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ и др.). Верхняя же граница уголовно-правового воздействия юридически располагается на уровне возможности лишения осужденного жизни в результате исполнения наказания в виде смертной казни. Де-факто современное государство может воздействовать на преступника до предела бессрочного его содержания в условиях изоляции от общества, то есть пожизненного лишения свободы.

Проблема сохранения или исключения смертной казни в уголовном законе по-прежнему остается неразрешенной. По этому поводу было высказано достаточно много аргументов как за, так и против, состоятельность которых оспорить довольно трудно. Однако с позиции оценки меры возможного реагирования на преступное деяние можно заключить, что сохранение данного вида наказания в уголовном законе необходимо. До тех пор, пока будут совершаться убийства, общество вправе требовать справедливой меры воздаяния для преступника. В этом случае речь уже идет не о чрезмерной жестокости уголовно-правового реагирования, а о равенстве граждан и справедливости. Эти категории одновременно выступают в качестве и принципов уголовного права, и фундаментальных философских идей, формирующих содержание уголовного права и пределы уголовно-правового воздаяния.

Идейное равенство граждан предполагает не только недопустимость причинения вреда ближнему (категорический императив Канта), но и аналогичное воздаяние преступнику за причиненный вред. Понижение верхней границы возможного уголовно-правового воздействия на убийцу умаляет идею справедливости, а потому может оказаться невосстановленным и не признанным в качестве правомерного решения. В этой связи, учитывая постулаты «золотого правила», которые признаются в любом обществе, независимо от степени цивилизационного развития, полагаем необходимым сохранение заявленных в действующем УК РФ пределов уголовно-правового воздействия без каких-либо оговорок и (или) фактических ограничений, действующих в настоящее время.

Заключительная часть

В завершение изучения значения философской категории «мера» для уголовного права считаем необходимым вернуться к оценке мнения античного философа Протагора о том, что именно человек яв-

ляется мерой всего в окружающем его мире. Подтверждение справедливости такого высказывания можно установить даже путем анализа изменений и дополнений в действующий уголовный закон, которые были приняты за весь относительно небольшой (для уголовного закона) период его действия. Так, мы стали свидетелями не только частных изменений редакционного характера, которые касались отдельных уголовно-правовых норм, но и кардинальных изменений, связанных, например, с правилами категоризации преступлений, определением приоритетов в выборе видов наказаний при неизменности оценки общественной опасности многих преступлений и т. д.

Все это если не подтверждает, то хотя бы заставляет задуматься о том, насколько возможно в действительности говорить о мере в уголовном праве, равно как и в целом о мере, понимая ее как неизмен-

ную, объективно существующую постоянную величину, состояние которой никак не зависит от сознания и воли человека. Даже, казалось бы, многократно проверенные временем истины о пределах допустимого поведения в обществе периодически сопровождаются корректировками и уточнениями, то есть и они испытывают на себе процессы переосмысления и переоценки с учетом развития представлений о справедливости, равенстве и гуманизме.

Поэтому нельзя исключать, что и современные границы уголовно-правовой меры в самом широком ее понимании будут меняться в большую или меньшую сторону. Это, в свою очередь, обеспечит непрерывность процесса поиска той «золотой середины», когда человек будет чувствовать надлежащее обеспечение собственной безопасности, достигаемое наименьшим количеством лишений и правоограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения : в 4 томах. Том 4 / Аристотель / [редакторы и авторы вступительной статьи А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примечания В. В. Бибикина и др.] – Москва : Мысль. – 1983. – 830 с.
2. Балашов, Л. Е. Новая метафизика. (Категориальная картина мира или Основы категориальной логики) / Л. Е. Балашов. – Москва : ACADEMIA, 2016. – 1026 с.
3. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / составитель и ответственный редактор О. А. Платонов. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2012. – 624 с. – ISBN 978-5-4261-0012-1.
4. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 томах. Том 1 / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – Москва : Мысль. – 1970. – 501 с.
5. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 томах. Том 2 / Томас Гоббс ; [составитель В. В. Соколов]. – Москва : Мысль. – 1991. – 735 с. – ISBN 5-244-00460-3.
6. Жмудь, Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме / Л. Я. Жмудь. – Санкт-Петербург : Изд-во ВГК : Алетейя, 1994. – 376 с.
7. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. – Москва : Искусство, 1994. – 367 с. – ISBN 5-210-02324-9.
8. Кант, И. Сочинения : в 6 томах. Том 5 / Иммануил Кант / [редактор и автор вступительной статьи В. Ф. Асмус]. – Москва : Мысль. – 1966. – 562 с.
9. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Ганс Кельзен ; перевод с немецкого [М. В. Антонова, С. В. Лезова]. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, сор. 2015. – 540 с. – ISBN 978-5-905966-54-5.
10. Локк, Джон. Сочинения : в 3 томах. Том 3 / редактор и составитель, автор примечаний А. Л. Субботин. – Москва : Мысль. – 1988. – 668 с. – ISBN 5-244-00084-5.
11. Малинова, И. П. Философия права и юридическая герменевтика : монография / И. П. Малинова. – 2-е изд., доп. – Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2017. – 199 с. – ISBN 978-5-7845-0482-1.
12. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс // Маркс, К. Сочинения : в 30 томах. Том 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 804 с.
13. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / С. И. Ожегов ; под общей редакцией Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : Оникс 21 век : Мир и Образование, 2005. – 894 с. – ISBN 5-329-01352-6.
14. Платон. Собрание сочинений : в 4 томах. Том 4 / Платон / [перевод с древнегреческого А. Н. Егунова и др.]. – Москва : Мысль, 1994. – 830 с. – ISBN 5-244-00633-9.
15. Соловьева, А. С. Философия Солона: развитие личностного начала и понятия меры / А. С. Соловьева // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2018. – Том 1, № 2. – С. 148–159.
16. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс : в 10 томах. Том 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Книга 1. Понятие уголовного наказания / под редакцией Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 680 с. – ISBN 978-5-4396-1994-8.
17. Харт, Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; под общей редакцией Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 300 с. – ISBN 978-5-288-04211-9.

REFERENCES

1. Aristotle. *Sochineniya: v 4 tomakh. Tom 4* [Essays: in 4 volumes. Volume 4]. Ed. by Dovatur A.I., Kessidi F. Kh. Moscow: Mysl'. 1983. 830 p.
2. Balashov L.E. *Novaya metafizika. (Kategorial'naya kartina mira ili Osnovy kategorial'noi logiki)* [New metaphysics. (Categorical picture of the world or the Foundations of categorical logic)]. Moscow: ACADEMIA, 2016. 1,026p.
3. Berdyayev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Comp. and ed. by O.A. Platonov. Moscow: In-t rus. tsivilizatsii, 2012. 624 p. ISBN 978-5-4261-0012-1.
4. Hegel G.W.F. *Nauka logiki: v 3 tomakh. Tom 1* [Science of logic: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow: Mysl'. 1970. 501 p.
5. Hobbes T. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Essays: in 2 volumes. Volume 2]. Comp. by Sokolov V.V. Moscow: Mysl'. 1991. 735 p. ISBN 5-244-00460-3.
6. Zhmud' L.Ya. *Nauka, filosofiya i religiya v rannem pifagoreizme* [Science, philosophy and religion in early Pythagoreanism]. Saint Petersburg: Izd-vo VGK: Aleteiya, 1994. 376 p.

7. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgment]. Moscow: Iskusstvo, 1994. 367. ISBN 5-210-02324-9.
8. Kant I. *Sochineniya: v 6 tomakh. Tom 5* [Works: in 6 volumes. Volume 5]. Ed. by Asmus V.F. Moscow: Mysl'. 1966. 562 p.
9. Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave* [Pure doctrine of law]. Transl. by Antonov M.V., Lezova S.V. Saint Petersburg: Alef-Press, cop. 2015. 540 p. ISBN 978-5-905966-54-5.
10. Locke J. *Sochineniya: v 3 tomakh. Tom 3* [Essays: in 3 volumes. Volume 3]. Ed. and comp. by Subbotin A.L. Moscow: Mysl'. 1988. 668 p. ISBN 5-244-00084-5.
11. Malinova I.P. *Filosofiya prava i yuridicheskaya hermenevtika: monografiya* [Philosophy of law and legal hermeneutics: monograph]. Ekaterinburg: Ural. gos. yurid. un-t, 2017. 199 p. ISBN 978-5-7845-0482-1.
12. Marx K., Engels A. contribution to the critique of political economy. In: *Sochineniya: v 30 tomakh. Tom 13* [Essays: in 30 volumes. Volume 13]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 804 p.
13. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: okolo 53,000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 53,000 words]. Ed. by Skvortsov L.I. Moscow: Oniks 21 vek: Mir i Obrazovanie, 2005. 894 p. ISBN 5-329-01352-6.
14. Plato. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 4* [Collected works: in 4 volumes. Volume 4]. Transl. by Egunov A.N. et al. Moscow: Mysl', 1994. 830. ISBN 5-244-00633-9.
15. Solov'eva A.S. Solon's philosophy: the development of personality and the concept of "measure" *Tsifrovoi uchenyi: laboratoriya filosa=The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 148–159. (In Russ.).
16. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskii kurs: v 10 tomakh. Tom 1. Ponyatie, tseli ugolovnogo nakazaniya. Sistema ugolovnogo nakazaniya. Kniga 1. Ponyatie ugolovnogo nakazaniya* [Criminal law. General part. Punishment. Academic course: in 10 volumes. Volume 1. The concept and goals of criminal punishment. The system of criminal punishment. Book 1. The concept of criminal punishment]. Ed. by Lopashenko N.A. Moscow: YurLitinform, 2020. 680 p. ISBN 978-5-4396-1994-8.
17. Hart H. L. A. *Ponyatie prava* [The concept of law]. Ed. by Afonasin E.V., Moiseev S.V. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 300 p. ISBN 978-5-288-04211-9

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Vice-Rector for Research at Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

Статья поступила 24.08.2022